

С. С. ЧАХОТИН

«В Каноссу»¹

<Фрагменты>

I

В событиях, которые пережила Россия за последние годы, важная роль выпала на долю интеллигенции. Несмотря на пережитые бури, тип русского интеллигента сохранился, и о нашей интеллигенции можно с полным правом говорить и впредь как о каком-то особом общественном явлении, имеющем определенную физиономию и определенное социальное назначение. Несмотря на партийные перегородки, разделявшие русскую интеллигенцию, можно, оказывается, говорить о едином, общем настроении большой ее массы.

Во-первых, в начальный период революции подавляющее большинство нашей интеллигенции стояло на стороне Временного правительства, чувствовало свою духовную связь с ним; затем почти так же всеобщее, а может быть еще и шире, было отрицание интеллигенцией большевиков, ее недоверие к ним, к их идеологии, к возможности воплотить ее в жизнь. Оговоримся: конечные идеалы большевизма были всегда лучшими идеалами интеллигенции, но практическая возможность их немедленного и полного осуществления, выдвинутая большевиками как политической партией, и главное — метод их насильственного проведения были ей чужды, ненавистны. Этому не противоречит тот факт, что физически значительная часть нашей интеллигенции осталась в Советской России, а некоторая ее часть с самого начала работает у большевиков, с большевиками, «на них». Но разве мы не знаем все, как эта работа шла до сих пор, чем она большею частью стимулировалась? Голод и принуждение — вот эти стимулы. Разве таково было бы положение советского правительства, если бы мозг страны — ее интеллигенция — сознавала свою кровную связь с ним, если бы она несла ему все свои силы, весь энтузиазм и воодушевление, на которые способна?

Далее вспомним, что интеллигенция в своей массе становилась на сторону всех антибольшевистских военных попыток — активно в территориях, где эта борьба происходила, — сочувствуя и вздыхая там, далеко, в глубинах самой России.

Словом, общность переживаний массы русской интеллигенции в потрясших страну событиях не подлежит сомнению. Если же проследить за историей развития этих переживаний, то в них можно уловить и зафиксировать три фазиса, или этапа, которые прошла эволюция настроений интеллигенции. Эти три этапа я назвал бы *тремя разочарованиями*. Это были три последовательные ставки русской интеллигенции и три ее проигрыша. Мы не будем разбирать сейчас причины этих проигрышей, но попробуем их отметить и определить.

Первой ставкой была вера интеллигенции в какой-то совершенно особенный, точно инстинктивный практический смысл и разум русского народа². Это был отголосок старого преклонения перед «мужиком» нашего народничества шестидесятых-семидесятых годов. Без достаточных данных, точно по какому-то наитию думали, скорее даже верили, что «народ» сам найдет правильную линию государственного строительства. Надо только сбросить, сорвать с него цепи, дать ему возможность полного размаха и безграничной свободы. Более того, были и такие теоретики, которые сами всячески стремились научиться у него государственной мудрости. Здесь сказались, между прочим, типичные черточки русского характера — нелюбовь к конкретному и определенному, неумение рассчитывать, заканчивающиеся верой в классические русские «авось», «небось» и «как-нибудь». <...>

Между тем жизнь шла, события разворачивались с головокружительной быстротой, надо было действовать, т. е. становиться в тот или иной лагерь в начинавшейся гражданской войне. И интеллигенция, не колеблясь, пошла под белые знамена. Это была ее вторая ставка³. Она поверила в вождей антибольшевистских сил. Она не разбиралась в них, в их «верую», в их способностях, она готова была идти с кем угодно, лишь бы освободиться от «кучки насильников». О будущем думали так: «Все приложится». Более левых не пугали погоны Добровольческой армии и пересолы при возврате к необходимой в борьбе дисциплине. Более правых не страшил «демократизм Корнилова» и лозунг «вся власть Учредительному Собранию»⁴. И эта вторая ставка нашей интеллигенции оказалась битой, и на смену явилось новое разочарование. Все попытки «генералов» выступить в роли освободителей страны терпели неизменно неудачу: не были найдены верные лозунги и программы, не было должной организации, не было подходящих людей. И можно только удивляться

долготерпению интеллигенции, при каждой новой попытке вновь воспрядывавшей духом, вновь начинавшей верить и надеяться, вновь шедшей на жертвы...

Третий фазис не так легко отделить от второго, как этот от первого. Хотя логически и психологически они дифференцируются сравнительно легко, во времени они отчасти совпадают и переплетаются. Этот третий фазис настроений нашей интеллигенции характеризуется ставкой на союзников, на их интерес к нам, на сознание ими своего морального долга перед Россией за ее жертвы в первые годы войны. Эта вера диктовалась наивным сентиментализмом, отличавшим всегда русскую интеллигенцию в сфере политики. И как жестоко мы были наказаны за этот сентиментализм! Достаточно вспомнить Одессу, Архангельск⁵, всю историю сношений с отделившимися от нас (более того, нередко намеренно *отделяемыми* ими же — нашими союзниками) окраинами; достаточно вспомнить торопливость, с которой они спешили на мнимую русскую тризну, все эти разговоры о русских лесах, о нефти и т. д.; достаточно припомнить споры о русском золоте, о долгах, об открытых дверях в Сибири, чтобы окончательно и безвозвратно потерять всякую тень политического сентиментализма. — «Позвольте, — скажут наши оппоненты, доселе остающиеся на позиции поддержки несуществующей уже Белой армии, — а поддержка союзниками Колчака⁶, Деникина и Юденича⁷?» Ах, эта полуподдержка, когда одной рукой давалось, а другой создавались всякие затруднения. Лучше бы ее не было совсем! Она поселила обманчивую надежду на помощь извне, так дорого нам обошедшуюся, когда, оказывается, можно было рассчитывать только на самих себя. Это только спутало карты⁸. Удивительно ли, что вера в демократические и пацифистские цели войны, в международную солидарность рухнула во всех слоях русской интеллигенции, как среди эмигрантов, рассеянных по всем странам Европы, Азии и Америки, так и среди оставшихся в Советской России.

II

Итак, военные попытки «свалить большевиков» не удались: заключительным аккордом в этом направлении был Кронштадт. Теперь совершенно ясно, что всякие подобные попытки обречены на неудачу; более того, они вырождаются в уродливые, морально неприемлемые для русской интеллигенции погромно-предательские авантюры. Теперь логически мыслимыми остались лишь два случая насильственного низвержения советской власти: иностранная во-

енная экспедиция и внутреннее восстание. Попробуем разобрать обе возможности.

Мыслима ли первая — военная экспедиция иностранцев? И чья именно? Бывших союзников? Но разве не показали они всей своей политикой, что их главная забота — приспособиться к факту отсутствия России в сонме великих держав? Англия, потрясаемая внутренней борьбой и связавшая себя договором с советской властью, при каждом удобном случае напоминает о своем лояльном отношении к договору. Франция, усердно поддерживающая врагов России и ведущая политику расчленения России, думает лишь о том, как бы вернуть следуемые ее мещанам миллиарды. Америка не желает более иметь никакого дела с европейским осиным гнездом. Германия, экономически остро заинтересованная в русских делах, при некоторых условиях могла бы, пожалуй, вмешаться. Но ей, раздавленной военно и экономически, не до военных походов в Россию; да и «союзники» никогда бы не допустили этого: ведь за такой помощью последовал бы опасный для них союз России с Германией. Лига Наций — притча во языцех всего мира? Или, наконец, эти новые «буферные» государства⁹, облепившие края нашей родины? — Польша, Латвия, Эстония, Азербайджан и т. д. Да, к сожалению, они склонны порой давать приют разным «предприимчивым» людям, как это сделала Польша в отношении Савинкова¹⁰ и Балаховича¹¹, поскольку последние помогают поддерживать в России междоусобную войну и расшатывают Россию политически и экономически. Но захотят ли они создавать серьезную опасность для советской власти, пока она слаба, и вообще, выгодно ли им содействовать ликвидации нашей гражданской смуты? Разве в момент успехов Деникина поляки не заключили внезапного перемирия с большевиками, чем и дали последним возможность всей массой обрушиться на Деникина и раздавить его? Это только мы сами, русские, в лице Врангеля, могли в момент, когда Красная армия громила поляков, ударить ей в тыл и, спасая Польшу, предать свое собственное русское дело. История уже отомстила Врангелю за его близорукость.

Итак, ни одна из внешних сил никогда не даст уже «военной помощи против большевиков». Да и кому ее давать теперь? Как-никак, но в течение всей прежней военной борьбы с большевиками были какие-то, хоть и небольшие, клочки русской территории, откуда эта борьба могла идти, где она могла организоваться, — было известное количество сил и средств, которое можно было увеличивать при успехе. А главное, был какой-то моральный резерв, связанный с этим клочком национальной территории. Теперь этого нет. После

опыта Врангеля в Галлиполи мы знаем, что создавать или хотя бы сохранять русские военные антибольшевистские силы за пределами самой России — химера.

Никто, значит, извне не поможет, да и помогать-то, оказывается, уже некому.

Теперь о возможности восстаний в самой России. Эта возможность, конечно, не исключена. Она наиболее реальна в случае выдвигания лозунгов, подобных кронштадтским¹², хотя надо оговориться, что шансы на успех здесь, как особенно ясно показал даже пример Кронштадтского восстания, ограничены и, очевидно, прогрессивно уменьшаются. Восстания в России могут являться лишь функцией двух связанных между собою моментов: экономических затруднений и политики советского правительства. Чем хуже экономическое положение страны, чем сильнее лишения, которым подвергается население, тем труднее, конечно, положение правительства. Но, во-первых, с прекращением гражданской войны, со снятием блокады и заключением торговых договоров с Англией, Германией, Италией и др. экономическое положение Советской России способно значительно улучшиться, а во-вторых, советское правительство, применяясь к условиям, отказалось от целого ряда своих экономически не осуществимых тезисов и идет в сторону облегчения торгово-хозяйственного оборота в стране. Нет никакого сомнения, что эти меры значительно укрепят его положение и сделают попытки восстания менее частыми, менее серьезными и лишат их шансов на успех.

Спрашивается, как вести себя интеллигенции, как находящейся в России, так и эмигрировавшей, при этих новых, все еще возможных попытках восстаний? Способствовать им или отстраняться от них, более того, бороться с ними? Не колеблясь, подобно тому, как по отношению к предыдущему периоду мы считали, что вся энергия русской интеллигенции должна быть брошена в дело борьбы с большевизмом, так теперь, после окончательного крушения планового насильственного низвержения, мы считаем, что *патриотический долг нашей интеллигенции — отказаться от вооруженной борьбы, более того, бороться со всякими попытками в целях борьбы еще дальше дезорганизовать и разваливать нашу родину*. Кто бы ни был у власти сейчас, но раз он способствует процессу собирания и упрочения России, он должен получить поддержку со стороны мыслящей и патриотически настроенной интеллигенции.

Более того, участие в возможных восстаниях и волнениях в стране при сложившейся экономической и международной конъюнктуре будет преступлением перед родиной. Мы не боимся открыто и громко

это сказать. Никакие сомнения и колебания, никакие недоговоренности не должны иметь в этот момент места. Надо ясно себе представить, что всякая попытка вызвать неурядицы в России эквивалентна сейчас удару по долженствующей во что бы то ни стало наладиться экономической жизни страны и на руку одним только врагам России. Слишком много времени уже упущено, слишком усилилась реакция в Европе, слишком окрепли окраинные государства, чтобы в случае новых волнений можно было рассчитывать на что-либо иное, кроме выгодного лишь нашим врагам хаоса. Подобно тому, как более сознательная часть интеллигенции считала революцию во время войны опасной и нежелательной, так и теперь всякие новые потрясения будут для нашей родины лишь губельны. Надо окрепнуть физически и экономически, надо — насколько возможно при данных условиях — укрепить национальный дух, а там жизнь покажет. Окрепшему организму возможные потрясения не будут так опасны, а может быть, к тому времени условия настолько изменятся, что обойдется и без потрясений.

Но представим себе даже, что, по какому-то невероятному сцеплению обстоятельств, восстание удалось, большевики свергнуты и Россию не разобрали в этот момент по кускам соседи и бывшие друзья. Что ждет нас на следующий день после восстания? Чья власть? Кто сменит большевиков? Кто будет тот, кто сумеет при еще несомненно ухудшившихся экономических условиях, при вновь развалившейся армии вывести страну из нового хаоса? Керенский? Кадеты, энесы¹³, эсеры? Начнем сказку про белого бычка сначала? Все эти обломки ех¹⁴ — партий, которые и по сию пору, сидя давно за границей, не могут перестать грызться между собою на потеху всего мира? Нет, мы думаем, что громадное большинство не только русских народных масс, но и интеллигенции, и не только в самой России, но и за границей, навсегда оставило эти влачащие ныне жалкое существование штабы без армий. Нет, все что угодно, но только не эти трупы!

Но допустим все же, что большевики свергнуты, что явилась какая-то новая власть. Эта новая власть силою вещей вынуждена будет делать почти то же, что и большевики: тоже нужна будет армия со строгой дисциплиной — иначе нас разорвут соседи; те же драконы внутренней защиты новой власти — иначе она рассыплется, как Керенский; неужели нам станет легче оттого, что новые «чрезвычайки» будут называться «контрразведкой» или чем-нибудь вроде того? Та же будет экономическая разруха и связанные с нею лишения и голод, та же необходимость в максимальном напряжении сил всех

и каждого, в жестокой трудовой повинности. Так в чем же дело? Пора оставить мечты, что с заменой красных белыми, желтыми, зелеными и т. д. каким-то чудом законы физики и экономики перевернутся, реки потекут в горы, а с неба будет литься золотой дождь¹⁵. Вернемся к реальностям жизни.

Да, мы знаем, за нашими бывшими противниками в прошлом много ужасного, трудно прощаемого, много такого, с чем трудно примириться и сейчас; но как скоро интересы родины требуют, чтобы мы забыли старую боль, мы должны ее забыть. Другого выхода нет. Умыть руки, отойти в сторону нельзя. Это, конечно, легче всего, но это преступление перед родиной. Надо участвовать в поддержке России, надо всем выручать ее, облегчать ей пути прогресса, мира и благосостояния. Поведение нашей интеллигенции в данный момент весьма сильно определяется общим международным положением. За годы борьбы мы были свидетелями разрастания масштабов: сначала кризис ограничивался Петроградом, затем он охватил собственно Россию, далее борьба разлилась и по окраинам ее, теперь весь мир вовлечен в русскую катастрофу, и каждый элемент его занял определенную позицию в отношении ее.

Будь мы одни, не будь Россия окружена «друзьями» и врагами, конкурентами и хищниками, алчно пощелкивающими зубами и жадно ждущими ее последнего вздоха, будь в мире солидарность культурных наций — мы, быть может, не звали бы к такому решению вопроса. Но сейчас, когда никто не хочет понять переживаемой нами трагедии, когда всякий старается забыть о море русской крови, пролитой ради общего европейского дела, когда нас сторонятся, как зачумленных, когда почти во всем мире нет более презираемых, более ненавидимых париев, чем мы, русские, сейчас, когда на нашу несчастную родину смотрят, как на какой-то очаг заразы, который, если бы могли, то охотно стерли бы с лица земли со всеми нами, правыми и виноватыми, — о, сейчас в таких условиях мы громко, не колеблясь, обращаемся к нашей интеллигенции с кличем: «Довольно! Назад! Мы здесь чужие. Что бы там, дома, ни было, как там ни тяжело, но там — наша родина!»

Мы не боимся теперь сказать: «Идем в Каноссу! Мы были не правы, мы ошиблись. Не побоимся же открыто и за себя и за других признать это».

Большевизм с его крайностями и ужасами — это болезнь, но вместе с тем это закономерное, хоть и неприятное, состояние нашей страны в процессе ее эволюции. И не только все прошлое России, но мы сами виноваты в том, что страна заболела. Болезни, может

быть, могло и не быть, но теперь спорить и вздыхать поздно, родина больна, болезнь идет своим порядком, и мы, русская интеллигенция, мозг страны, не имеем права стать в сторону и ждать, чем кончится кризис: выздоровлением или смертью.

Наш долг — помочь лечить раны больной родины, любовно отнестись к ней, не считаться с ее приступами горячечного бреда. Ясно, что чем скорее интеллигенция возьмется за энергичную работу культурного и экономического восстановления России, тем скорее к больной вернуться все ее силы, исчезнет бред и тем легче завершится процесс обновления ее организма.

Мне скажут: «Но как же? Идти к большевикам, идти с ними? Ведь это значит признать свою неправоту, санкционировать их победу?» — Да, это значит идти в Каноссу. Это признание не унизит нас, не может сломить нашего духа. Мы честно боролись до сих пор, так как считали, что это наш долг. События нам показали, что мы ошибались, что путь наш лежал в неверном направлении. И, сознав это, увидя, чего требуют от нас интересы родины, мы готовы сознаться в своей ошибке и изменить дорогу.

Станем ли мы сами от того большевиками или коммунистами, как думают некоторые? Конечно, нет. Коммунизм как практическая доктрина в современной обстановке по-прежнему остается для нас той же утопией, что и раньше, но он может и должен измениться, если хочет так или иначе войти в реальную жизнь; и во многом мы, интеллигенция, можем способствовать этому процессу.

После каждой болезни в организме наблюдается появление новых сил, усиленный обмен веществ, оздоровление и укрепление. Нередко в самой болезни есть зачатки оздоровления, есть полезные начала. И вот, не боясь, надо признать, что в самом большевизме, наряду с ворохом уродливых его проявлений, есть несомненно здоровые начала, есть положительные стороны, отрицать которые трудно.

Во-первых, история заставила русскую «коммунистическую» республику, вопреки ее официальной догме, взять на себя национальное дело собиранья распавшейся было России, а вместе с тем восстановление и увеличение русского международного удельного веса. Странно и неожиданно было наблюдать, как в моменты подхода большевиков к Варшаве во всех углах Европы с опаской, но и с известным уважением заговорили не о «большевиках», а... о России, о новом ее появлении на мировой арене.

Другой положительной стороной советской власти надо признать то, что (опять как будто вопреки теории) она была вынуждена создать крепкую дисциплинированную армию, первое условие существования

всякого государства, как это ни обидно говорить после неисчислимых жертв «великой войны за уничтожение войн».

Третьим несомненным плюсом в деятельности большевиков надо считать то, что они действительно гарантировали невозможность возврата к прошлому, тому темному скорбному прошлому, которое послужило первоисточником нужды, темноты и озлобленности народных масс, неподготовленности и вялости нашей интеллигенции, всего того зла, которое обрушилось на Россию за последние годы. Эта опасность, хоть и дорогой ценой, но все же, к счастью, устранена навеки. И есть возможность заложить новое здание русской государственности на новых разумных основаниях, используя принципы рациональной организации, а не громоздить на старых, архаических нелепых устоях новые негармонирующие надстройки.

Далее, в самом факте разрушения есть позитивные черты: мы силою вещей вынуждены отказаться от своей русской беспечности, надежды, что кто-то, где-то, что-то за нас сделает. На краю пропасти каждый должен встрепенуться, сам искать выхода, думать, изловчаться или... погибнуть. Впервые в колоссальных масштабах взбудоражен в дремавших, понукаемых массах здоровый инстинкт самосохранения, самый действенный из всех инстинктов; мы уверены, что все значение этого биологического момента скажется в дальнейшем в жизни русского народа, в смысле значительной и положительной перестройки русского характера, и в таком случае уже это одно, быть может, оправдывает жертвы и ужасы нашей эпохи.

Наконец, будем объективны и признаем, что среди вершителей современных русских судеб есть люди, наделенные достаточным чувством реальности и не враги эволюции. Логика событий неумолимо заставляет их сдавать свои практически неверные позиции и становиться на те, что более согласуются с требованиями жизни; от действий нашей интеллигенции будет зависеть ускорить и завершить этот процесс на благо России и прогресса. Нам возразят — это оптимизм. Да, ответим мы, это оптимизм, но оптимизм не беспочвенный. Более того, если в трудных условиях нам нужно добиться во что бы то ни стало поставленной себе цели — спасения России, — то нам необходим оптимизм, это состояние духа, дающее бодрую уверенность в своих силах и в достижимости задач.

Итак, мы идем в Каноссу, т. е. признаем, что проиграли игру, что шли неверным путем, что поступки и расчеты наши были ошибочны.

Спрашивается, должна ли русская интеллигенция раскаиваться теперь в своих прежних действиях? Нет, кажется нам, не должна, так как — по всему — она не могла поступить иначе, чем поступила.

Да и в этом есть положительные черты.

Мы долго и упорно боролись, но зато эта борьба коренным образом изменила нас, она научила любить родину более деятельно, более жертвенно, чем раньше, она отучила нас от глумления над проявлениями здорового национализма, вылечила нас от наивного сентиментализма в политике.

Практически борьба научила нас более деловым приемам, сократила нашу способность к непродуктивной болтовне, сделала более восприимчивыми к более разумным, более экономным принципам рациональной организации.

Затем, в борьбе сгорело все старое, нецелесообразное в России, и открылось поле для нового, свежего, разумного. Наконец, надо признать, что если сама советская власть стала способна эволюционировать в сторону более реальной национальной политики — то это есть тоже в значительной мере результат борьбы последних лет.

Конечно, все эти плюсы куплены недешевой ценой, ценой разрушений, бесчисленных жертв, отставании в ходе культуры. Но, увы, ничто в жизни, как индивидуума, так и народа, без жертв не дается. За все приходится платить.

III

Что же нам, интеллигентам, признавшим свои политические ошибки, делать, идя в Каноссу? Что ожидает нас в Советской России? Куда направить наше внимание, силы, энергию? Нам кажется, что главных задач у нас две.

Первая задача — всеми силами способствовать просвещению народных масс, поддерживать всеми способами все, что новая Россия предпринимает в этом отношении, самим проявлять самую интенсивную, самую широкую инициативу. Доходят сведения, что в России наблюдается сейчас духовный голод, о котором мы здесь не имеем и представления и подобно которому никогда и нигде не наблюдалось. Массы, несмотря на все экономические тяготы и лишения, несмотря на то, что, казалось бы, голодному желудку не до науки, в таких количествах и с таким рвением заполняют всевозможные аудитории, библиотеки. Школы, посещают беседы — не на политические, а на общекультурные темы, — что не может быть никакого сомнения, что перед нами любопытнейшее социальное явление: начало возрождения, вернее, перерождения страны. Здесь перед нами гигантское, плодотворнейшее, благороднейшее поле для работы.

Кроме той части интеллигенции, которая оказалась не в силах оставаться в России и бежала в стан антибольшевистских сил, другой

части, вынужденной против воли работать в неприемлемых для нее условиях, и третьей части — идейно примкнувшей к вождям революционного экстремизма, есть еще одна группа русской интеллигенции, не принявшая большевизм, но поборовшая себя и оставшаяся в России из особых жертвенных побуждений. Заслуга этой группы перед Россией и человечеством огромна. Эта группа, которая считала своим долгом остаться сторожем возле угрожаемых пожаром сокровищ русского духа, русской культуры. Эти люди считали необходимым, чтобы вблизи русских музеев, библиотек, лабораторий, театров остался кто-нибудь, кто бы прикрыл их своим телом в случае опасности, кто бы сохранил нам преемственность русской культурной работы, кто бы, несмотря ни на какие бури, тянул золотые нити русской мысли, русского чувства. И они остались, несмотря ни на что, и они работали среди голода, холода, принуждений, глумлений. Это та единственная часть русской интеллигенции, что не ошиблась, та, что пошла верной дорогой. Да, воистину ее заслуги перед родиной неисчислимы. И вот идти на помощь этой части нашей интеллигенции, усилить ее ряды, снять с ее плеч часть непосильного бремени, продолжать и развивать дело, сохраненное ею, — вот благороднейшая задача, которая ждет всех нас, русских интеллигентов, в первую очередь.

Второй важнейшей задачей должно быть самое активное участие в экономическом восстановлении нашей родины. Для этого необходимо максимальное напряжение во всех областях производства, к которым интеллигенция может быть причастна: она сама должна давать здесь максимум своих сил, она своим примером должна идти впереди остальных масс населения. Надо привить вновь любовь к работе и добросовестность в ее выполнении. Теория, что, укрепляя экономическое положение страны, мы «укрепляем позицию большевиков и будто бы этим отдаляем момент вступления России на путь спокойного, естественного развития, должна быть решительно отброшена. Как раз наоборот: в налаженности экономических условий корень повышения и культурного уровня страны и ее политического оздоровления.

Для поднятия экономического и социального благополучия страны одних усилий интеллигенции — даже максимальных, добросовестных мало: это — увы — наглядно показала практика работы интеллигенции с «генералами». Необходим еще один важнейший фактор — это применение во всех областях новых принципов рациональной организации, тех принципов, которые придают изумительную живучесть Германии, которые развернули выросшую точно из земли мощь Америки, — принципов, для которых характерна

поразительная экономия времени, средств, энергии. Здесь нам нечего мудрить, надо без отговорок, без колебаний, взять то, что есть известного по этому вопросу за границей, и систематически применять во всем у нас в России. Неправда, будто русские люди неспособны к организации, будто у них сердце не лежит к этим «американским» приемам и методам работы, — возражения, которые нам постоянно приходилось слышать в «генеральском» лагере. *A priori*¹⁶, неужели японцы, турки, кто угодно, легко воспринимающие эти методы и вскоре пожимающие плоды их применения, более способны, чем мы, русские? *A posteriori*¹⁷, практика единичного применения этих методов в России нам показала не только полную ошибочность этих возражений, но более того — мы видели, как легко, как радостно наша интеллигентская молодежь воспринимала, усваивала принципы новой практической науки, как охотно и сознательно она подчинялась необходимой дисциплине, как сама вырабатывала и вносила дополнения и поправки применительно к русским условиям, каким энтузиазмом, видя успех, загоралась. Нет, старым рутинерам, привыкшим танцевать от печки, не мыслящим себе работы без начальственного окрика, без хаотического вороха бумаг, без чаепитий и нескончаемой болтовни в часы работы, без возгласа «гос-по-да офицеры!», вызывающего судорогу застывания в подчиненных, всем этим господам действительно в новой России не место.

Надо быть справедливым и признать, что «большевики» оказались гораздо восприимчивее к новым методам и многое в их успехах, нам кажется, придется отнести за счет этого момента. Не раз приходилось узнавать, работая на Юге, что-то, о необходимости чего с пеной у рта приходилось доказывать «верхам» Южного Главнокомандования, за осуществление чего приходилось бороться изо всех сил, теряя время и неся страшные жертвы, оказывалось проведенным в противном лагере и давало против нас свои результаты.

Что же сделать, чтобы ускорить необходимый нам и неизбежный процесс экономического «американизирования» России, чтобы провести рационализацию методики работы у нас? Кроме серьезного, вдумчивого ознакомления с тем, что есть по этому вопросу в иностранной специальной литературе и практике, кроме создания специальных школ организационных навыков в работе, нам кажется очень важным и желательным, чтобы как можно больше русских молодых людей было отправлено на выучку для ознакомления с этими методами в Америку и Германию, с гарантией использования их знаний по возвращении. Это будет самый скорый, а следовательно, и самый целесообразный, и в конечном счете и самый дешевый, способ привить

России умение работать. Нам думается вместе с тем, что такой образ действия был бы также самым правильным, самым продуктивным использованием тех значительных сумм, которыми располагают бесчисленные русские учреждения и организации за границей и которые идут на содержание штатов никому не нужных, все еще никак не могущих ликвидироваться представительных учреждений давно не существующих всевозможных «правительств», а также на создание всяких исполнительных бюро, комиссий и подразделов партий «в отставке».

Одним из важнейших моментов нашей работы в России должно стать наше профессионально-интеллигентское объединение, создание коллективов трудовой интеллигенции. То, что было очень трудным четыре года тому назад, по всему должно стать более осуществимым сейчас: сейчас интеллигенция более созрела для своего объединения.

Жизнь политических партий в России? Мы глубоко убеждены, что с изменившимися в корне условиями обстановки все партийные группировки дореволюционного времени и первых лет революции идут в архив истории; эти живые анахронизмы доживают последние годы в эмигрантских кругах. В самой России, несомненно, наряду с правительственной коммунистической партией, а отчасти и вопреки ей, нарастают новые группировки на иных совсем началах. Мы слышали уже о крестьянской партии, которую напрасно эсеровские «штабы» намечают себе в качестве управляемого объекта. Слышали мы все уже и о массах так называемых беспартийных, этой магмы, из которой выкристаллизуются в будущем новые группировки. Нам рисуется, что группировки эти будут создаваться не по критерию имущественного ценза — в стране, где имущественные перегородки пали — а, пожалуй, по характеру труда: очень может быть, что кроме крестьянской будут еще лишь две основные партии: рабочая и интеллигентская. Задачей русского правительства будет согласовать интересы и деятельность этих трех основ государства и построить на них благополучие страны. Подготовить этот процесс, способствовать его нормальному развитию — вот, нам кажется, задача нашей интеллигенции во внутренней политике России в данный момент.

